

С. И. Посохов

**«СВОЕВРЕМЕННЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ» О ТЕОРИЯХ
ПАМЯТИ, ТИПАХ КУЛЬТУРЫ И СМЫСЛАХ ИСТОРИИ¹**

*"...в нашу эпоху нет более острой темы и для
познания, и для жизни, чем тема
о культуре и цивилизации.
Это - тема об ожидающей нас судьбе"
(Н. А. Бердяев)*

Резюме: Статья посвящена проблеме социальных функций истории в современном обществе. Формулируется тезис о том, что основной функцией истории должно стать формирование таких метафор, которые бы базировались на союзе исторического опыта и цели и тем самым позволяли гармонизировать человеческую общность в контексте программ будущего. Отмечается, что, в связи с этим, деятельность историка по своей направленности должна становиться историографической и опираться на нормы профессиональной этики.

Ключевые слова: социальные функции истории, манипулирование памятью, профессиональная ответственность историка.

Посохов С. И. «Своєчасні роздуми» про теорії пам'яті, типи культур та сенси історії

Резюме: Стаття присвячена проблемі соціальних функцій історії в сучасному суспільстві. Висловлюється теза про те, що основною функцією історії має стати формування нових метафор, які б базувалися на союзі історичного досвіду та мети і тим самим

---

¹ В основу статті положені тези виступлення во время дискусії на тему «Теория – история – общество: общественная роль истории в Польше и Украине», которая состоялась 22 марта 2013 г. в Харьковском национальном университете имени В.Н. Каразина и в которой приняли участие В. Вжосек, В. Маслийчук, В. Склокин и др.

дозволяли гармонізувати людську спільноту в контексті програм майбутнього. Відзначається, що, у зв'язку із цим, діяльність історика за своєю спрямованістю має ставати історіографічною та спиратися на норми професійної етики.

Ключові слова: соціальні функції історії, маніпуляції з пам'яттю, професійна відповідальність історика.

Posokhov S. I. "Timely Reflections" on theories of memory, types of cultures and ways of history

Summary: The article is devoted to the social functions of history in today's society. The idea that the primary function of history should be the formation of such metaphors that would be based on the alliance of the historical experience and goals and, therefore, through harmonization of human community in the context of the programs of the future is shown. It is noted that, in this context, the activity of historian in its focus should be getting historiographical and rely on professional ethics.

Keywords: social function of history, memory manipulation, professional responsibility of historian.

1. Проблеме исторической памяти в последнее время уделяют много внимания. Некоторые авторы даже считают, что на рубеже 1980–90-х годов начала складываться новая парадигма (?) с центром в виде исследования памяти [8, с. 418]. Объясняются причины такого повышенного интереса следующим образом: «История оказалась неразрывно связана со своего рода социальной работой по сохранению памяти и идентичности разных общественных групп» [8, с. 418]. Действительно, мы понимаем, что память о прошлом запечатлена в исторической традиции, мы фиксируем отличия в специфике восприятия прошлого в различных цивилизациях, но в последнее время все чаще наблюдаем попытки манипулировать памятью, выстраивая те или иные образы, формируя пантеоны героев и создавая места памяти. Даже возникли такие понятия как «индустрия памяти» и «историческая политика», а сильные мира сего, судя по всему, приняли постулат: чтобы более свободно распоряжаться настоящим, нужно сначала позволить себе это

делать с прошлым. Как отметила М. Ф. Румянцева: «Нравится нам это или нет, но в ситуации пост-постмодерна общество все более разделяется на манипулирующее меньшинство и манипулируемое большинство. И как бы наше моральное чувство не возмушалось от такой констатации, ее вряд ли можно оспорить» [17, с. 111].

Эссенциалистские представления о «постоянном» и «вечном» характере социальных идентичностей в настоящее время выглядят архаично [см.: 1]. Утвердился взгляд, в соответствии с которым никакая идентичность – ни этническая (по группе), ни национальная (по стране или государственности) – не является изначально заданной человеку, а формируется в процессе его жизни. В истории немало примеров осознанного формирования той или иной идентичности (турецкие янычары воспитывались из мальчиков покоренных народов!), но сегодня она вырабатывается через целенаправленные усилия интеллектуалов, политиков и общественных активистов. Собственно, сегодня также понятно, что посредством «работы с памятью» можно как созидать, так и разрушать. Очевидно, что влияя на господствующие общественные настроения, основанные на памяти, можно и примирять с действительностью, и порождать конфликты. Именно поэтому такое внимание уделяется теориям памяти, поскольку они, если и не предлагают, то, по крайней мере, намекают на новые возможности не только в деконструкции, но и сознательном конструировании исторической памяти, так сказать «овладении миром». При этом, в отличие, скажем, от геной инженерии такие «опыты» никем и никак не контролируются.

Прежде всего, такими построениями увлечены представители наук, оперирующих категориями «короткого времени» (психологи, социологи, политологи)¹.

Но в «игры с памятью» традиционно (вольно или невольно)

---

¹ Появились даже такие дисциплины (?) как историческая психология, историческая социология и т.п.

вовлечены и многие профессиональные историки. Выстраивая «логику событий», а значит, определяя «смысл истории», наполняя прошлое аксиологическими оценками, вычлняя «центральные события» и «героев истории», историки, по сути, создают конструкции, которые через систему образования, СМИ и другие каналы внедряются в массовое сознание как «правда истории». Некоторые из этих конструкций превращаются в символы групповой идентичности (национальной, социальной, конфессиональной и др.), а порой становятся даже системообразующими ее элементами (в случае акцента на «катастрофе» или «триумфе»). Ранее наследование памяти происходило в значительной мере через семью и местные общности. Сейчас устно-семейные истории и местные предания в развитых обществах в этом плане явно отходят на второй план [20, с. 498–499]. Массовые коммуникации связали планету и тем самым создали предпосылки для быстрой и эффективной трансляции произведенной специалистами интеллектуальной продукции. И в этом отношении, как отметил П. Нора, «история убивает память». По его словам, «...то, что сегодня называется памятью, относится не к памяти, но уже к истории. Всё, что называют горением памяти, есть окончательное исчезновение ее в огне истории» [10, с. 20].

И все же важными остаются вопросы о том, насколько это противостояние категорично, а также насколько в этом случае и память, и история могут трактоваться как цельность?

На сегодняшний день исследователи называют различные типы памяти. Так, Л. П. Репина выделяет приватную и публичную, популярную и элитарную, профессиональную и любительскую, локальную и национальную [14, с. 29]. В другом случае она же отмечает такие ее «составляющие» как познавательная, этическая, эмоциональная, эстетическая, к тому же упоминает о поколенческих различиях [15, с. 17]. И. Н. Ионов пишет о «различных традициях исторической памяти, создающих множественные, соотнесенные, мультиперспективистские картины прошлого» [4, с. 41].

Действительно, могут ли одинаково воспоминать революцию потомки ее героев и жертв, тем более, что в историографии хватает версий для поддержания и той, и другой памяти? Несмотря на распространение в профессиональных кругах историков подхода О. М. Медушевой, подразделявшей историю на «строгую» и «социально ориентированную», даже в первом приближении «строгая наука» также не выглядит монолитной. Как отметил Пьер Бурдьё в интервью 1995 г.: «История колеблется ... между неизбежно критическим исследованием, коль скоро оно применено к объектам, воссоздаваемым вопреки обыденным представлениям и потому совершенно неведомым истории мемориальной, и официальной или полуофициальной историей, предназначенной для управления коллективной памятью через участие последней в торжествах по случаю памятных дат...» [цит. по: 13, с. 52]. Другими словами, исторической науке трудно быть не «социально-ориентированной», в противном случае мы ее просто лишим социальных функций. К тому же, говоря об истории как науке, многие исследователи приняли тезис о ее мультипарадигмальности. Все это позволяет утверждать, что взаимодействие истории и памяти много сложнее, чем просто вытеснение одного другим.

2. И история (как целенаправленное историописание), и память (все равно как понимать: как личный/коллективный опыт или как форму/уровень исторического сознания) на конкретном хронологическом этапе сосуществуют в одном пространстве культуры. Культура становится не просто средой взаимодействия этих двух явлений, она объединяет их. Вот почему, рассуждая о памяти и истории, важно не упустить характеристики культуры. Это особенно важно для историка, который ни в коем случае не может абстрагироваться от времени и конкретных общностей. Как отметил В. Вжосек, историческое познание является авторефлексией культуры, ее самосознанием [2, с. 149]. Полностью солидаризуясь с таким мнением, тем

не менее заметим, что и в данном случае возникает вопрос о том, стоит ли говорить о культуре или о культурах? Не менее важен, как нам представляется, и другой вопрос. По мнению В. Вжозека, исследующая культура «импугирует» исследуемой действительности свои собственные историографические метафоры, происходит «перевод» исследуемой культуры на язык культуры исследующей [2, с. 27, 29]. Но значит ли это, что в данном случае мы можем говорить о диалоге культур (обычно так говорят применительно к сосуществующим культурам), и в какой мере «импугирование» «компенсируется» «наследованием»?

Ответы на эти, на первый взгляд, отвлеченные вопросы, на самом деле, важны, так как затрагивают проблему состояния современной культуры, не осознав особенностей которой, сложно говорить о «результатах проникновения» (через ее посредство) в мир иной культуры.

Среди бесконечного множества определений понятия «культура» и вариантов типологии культур в данном случае обратим внимание на концепцию Ю. М. Лотмана [6, с. 81–86], который выделял бинарный и тернарный тип культур (культурных систем). Каждому из этих типов соответствует свой тип исторического сознания [об этом см.: 7, с. 44 и далее].

Бинарная структура самоописания, подразумевает деление всего сущего в мире на положительное и отрицательное. Тернарная модель, как правило, образуется от пересечения по крайней мере двух бинарных и в этом смысле внутренне противоречива (это особенно заметно на фоне идеологической последовательности и непротиворечивости бинарных моделей) [7, с. 44]. Порождением первой из названных культурных систем является авторитарное (тоталитарное) историческое сознание. На идеологическом уровне тоталитарного сознания эффективно используются ментальные установки, характерные для бинарной культуры, облегчающие восприятие мифологизированных представлений о мрачном прошлом и светлом будущем, друзьях и врагах народа, всезнающем и

всемогущем вожде и прочих мифологем, формирующих этот уровень [7, с. 45]. Особое внимание в таких культурных системах уделено истории. Другой тип – тернарная культура – связан с либеральным сознанием, для которого характерен акцент на неразрывной связи времен, «общем прошлом», в этом случае не отбрасывается культура и опыт различных маргинальных групп. Впрочем, даже в обществах, принадлежащих к тернарной культурной системе, формирование либерального исторического сознания является длительным процессом, а рецидивы авторитарного сознания случаются постоянно. Тем более что чаще всего речь идет о гетерогенных обществах. Чем сильнее в них выступают социальные, национальные (расовые) или религиозные различия, тем большие препятствия встречаются на пути складывания либерального исторического сознания. Поэтому как социокультурный феномен оно является гораздо менее ярко выраженным. Выдвигая человеческую личность в центр исторического универсума, исходя из признания приоритета ее интересов, утверждая терпимость как норму в отношении настоящего к прошлому, либеральное сознание способствует гуманизации общества, эволюционному решению накапливающихся в нем противоречий [7, с. 48–49]. Но в этом случае история не играет какой-либо особенной роли. Наоборот, наблюдается стремление нивелировать ее значение, сосредоточив внимание на локальных сюжетах, противопоставляя частное общему, абсолютизируя личный опыт. Еще не так громко, но уже звучит призыв «бросить обзор истории». Не случайно, на уровне профессионального сообщества историков, пусть и не всегда осознано и отчетливо, но «бинарность» соотносится с линейностью (а значит и «смыслами»), а «тернарность» воспринимается как хаос («кризис смыслов»).

В настоящее время во многих обществах происходит укрепление тернарных культурных систем. Более того, такое движение в значительной степени управляемое, а цель или стратегия отражены в формуле «открытое общество».

Постмодернистская культура способствует этому, освобождая ее носителей от координат места и времени, превращая в том числе и историю в поле для импровизации, в своего рода мыслительную игру... Сопутствующим явлением выступают, с одной стороны, «атомизация» исторического сознания, а с другой осознанная попытка бороться с «перенасыщением историей». Впрочем, уже усилившийся динамизм жизни приводит к неминуемым разрывам исторической преемственности и порождает антиисторизм. Все это позволило Ж. Лиотару говорить о «крахе метанарратива» [5].

Итак, и историческое сознание, и историческая наука формируются и функционируют в рамках определенных культурных систем и изменяются вместе с ними и под влиянием происходящих в них перемен.

3. Означает ли сказанное, что человечество идет не только к «потере памяти», но и «исчезновению истории»? Данный вопрос заставляет нас вернуться к старой проблеме социальных функций истории.

Долгое время основная функция виделась в том, чтобы придать прошлому смысл (осмыслить его). Естественно, что в этом случае стремились провести прямую, соединяющую прошлое и настоящее, а значит и позволяющую «прогнозировать будущее». Кто не слышал эту вечную фразу о том, что «не зная историю, нельзя построить будущее». Впрочем, среди историков также хорошо известна фраза Макса Вебера: «кто хочет проповеди, тот пусть идет в церковь». Другими словами, смысл истории подобен вере, которая, в данном случае, противопоставлялась науке (Вебер отбрасывал рассуждение о том, что история обладает каким-то особым смыслом, который надо раскрыть, смысл исторического познания он видел в том, чтобы раскрыть значение отдельного явления для общего развития [11, с. 97, 100]). Хорошо известна и жесткая критика «историцизма», прозвучавшая от Карла Поппера. Сегодня говорить о «смысле истории» становится и вовсе неприлично в связи с упомянутыми культурными процессами.

Но значит ли это, что люди перестали искать такой смысл? В данном случае, на наш взгляд, уместно вспомнить Ф. Ницше и его произведение «О пользе и вреде истории для жизни» (в серии эссе «Несвоевременные размышления»). В нем есть такие слова: «Погляди на стадо, которое пасется около тебя: оно не знает, что такое вчера, что такое сегодня, оно скачет, жует траву, отдыхает, переваривает пищу, снова скачет, и так с утра до ночи и изо дня в день, тесно привязанное в своей радости и в своем страдании к столбу мгновения и потому не зная ни меланхолии, ни пресыщения» [9]. Это ли ожидающая человечество судьба?

Не будем категорично отвечать на этот вопрос. Пока можно лишь сказать, что историческое сознание было и еще долго будет необходимым компонентом сознания общественного, а консолидация более-менее значительных сообществ происходила и будет происходить на основе общей истории. Безусловно, важнейшая социальная функция истории – соединение поколений. Если для ее реализации создаются препятствия, мы имеем усиление конфронтации и деструктивные процессы в обществе.

К тому же, рефлексия – необходимая процедура мышления каждого человека, всех тех, кто ответственно относится к своей жизни. Учить правилам рефлексии – значит формировать социально ответственных людей, которые чувствуют ответственность за свои действия как перед своими предшественниками, так и перед будущим¹. Лишить же человека этой способности – значит лишить его ориентации во времени и пространстве, обречь на жалкое «растениеподобное» существование. На наш взгляд, «человек исторический» имеет целый ряд преимуществ

---

¹ Понятие «бессмысленная жизнь», которое часто используют люди размышляя о себе и других, прежде всего означает жизнь без стоящей цели (синоним - «бесцельная жизнь»), жизнь без позитивного результата, а также в том случае, когда человек не учится на ошибках и не исправляет их. Безусловно, данное понятие могут наполнять и иными смыслами. Важно то, что это понятие как и прежде актуально для каждого думающего человека.

над «человеком неисторическим». Первый изначально творческий¹, второй – может быть заменен роботом уже сегодня.

Когда-то Л. Февр сказал об истории так: «Она – и только она [выд. авт.] – помогает нам жить в теперешнем мире, потерявшем последние остатки устойчивости, жить не одним только чувством страха... не одной только заботой о том, как бы продержаться еще хоть несколько часов, как бы сохранить над головой зияющую дырами крышу и проломленный потолок». И далее, определяя, кто же достоин высокого звания историка, он заметил, что его достоин лишь тот, «кто самозабвенно бросается в море жизни, окунается в него с головой, омывается в его волнах, проникается его общечеловеческой сутью – так он удесятерит свои творческие силы, свою способность к воскрешению прошлого. Прошлое, которое таит в себе сокровенный смысл человеческих судеб и с благодарностью открывает их историку» [22, с. 46–47].

А это значит, что историки и в будущем, объясняя минувшее, будут наделять его теми или иными смыслами, а развитие общества будет строиться на устойчивых (доминирующих/согласованных) версиях этого прошлого («базовых утверждениях»)/«утверждениях с большим консенсусом» по Е. Топольскому, «доминирующих метафорах» по П. Рикёру, «сообщественном знании историков»/«наборе признанных историографических метафор» по В. Вжосеку). Именно выстраивание смыслов (формирование «новых метафор»²), которые позволяли бы гармонизировать человеческую общность и в узком, и в широком понимании этого слова, может уже сегодня называться основной функцией истории. О том, что знания имеют метафорический характер, а метафоры не просто слова свидетельствует хотя бы такие историографические метафоры как «империалистическая война», утверждение

---

¹ «Человек созидательный» по определению не может быть «неисторичным».

² По словам В. Вжосека, «новые метафоры» являются «локомотивами мировоззренческих ценностей» [2, с. 194].

которой в умах людей привело к тому, что солдаты враждующих армий стали покидать свои окопы, чтобы «брататься» друг с другом, и метафора «неполноценные народы», несколько позже позволившая с невиданной жестокостью убивать себе подобных.

Вопрос только в том, как будут формироваться эти «согласованные версии»/«признанные метафоры». Кто, что и с кем будет «согласовывать»? Только лишь историки между собой, или историки и общество, историки и власть предержащие? Смеем надеяться, что это будут версии, предложенные обществу профессиональными историками¹, а это общество в лице своих институтов будет способно их воспринять и помогать транслировать. Но главное, чтобы смысл этих построений был ориентирован на относительно далекое будущее, а не на решение сиюминутных политических проблем. Только в этом случае, кажется, можно уйти от манипулирования памятью и историей и перейти к управлению общественными процессами. Наверное, такой взгляд можно назвать утопичным. Но рассуждения на заданную тему и стремление придерживаться исторического оптимизма приводят именно к нему. Очевидно, что сегодня, наряду с «выдающимися», историческим стал «простой человек», к тому же формируется новое понимание «человека исторического», в основе которого лежит планетарный подход. Все это приводит к мысли о том, что в условиях динамично развивающейся глобализации пришла пора не только провозгласить планетарные цели, но и предложить новые проекции смыслов истории. В том числе это касается и национальной истории, которая оказалась перед выбором: учитывать глобализацию или отправляться в резервацию.

Новые исторические опоры, по мнению ряда историков, требуют принципиально новой «мифологии». При этом сразу

---

¹ Это несколько не означает невозможность «иного» мнения, но предполагает определенную консолидацию профессионального сообщества, причем выходящего за пределы национальных государств.

заметим, что «миф – это не сказка, а знание, цель которого гармонизировать картину мира и обеспечить возможность эффективной социальной практики» [17, с. 112–113]. Вообще методологи истории заметили: если В. Дильтей (а ранее Г. Гегель) считал, что смысл жизни и существования можно осознать лишь через призму прошлого времени (поскольку мы сформированы прошлым), а Э. Гуссерль подчеркивал приоритет нынешнего времени в нашем мышлении, то М. Хайдеггер на первое место выводит мышление в категориях будущего, соответственно и идентичность сегодня видится в контексте программ будущего [21, с. 362].

И, конечно, важнейший вопрос – о «содержательном наполнении», которое и формирует смысловые приоритеты. Увы, в современном мире геополитические фантомы не дают покоя не только политикам, но и историкам. Известно, что в последнее время, например украинские историки, сосредоточены на том, чтобы «вписать историю Украины в европейский контекст». А как же быть с Азией? Она противопоставляется Европе! Мы снова оказываемся в плену бинарных оппозиций. Чтобы избежать «столкновения цивилизаций» в условиях формирования планетарной общности нужно не меньше, а больше внимания уделить истории и, прежде всего, истории культуры. Тогда станет понятно, что Украина – это не мяч, который можно перекатывать с одной половины поля на другую, а мост, который соединяет культуры и по которому движение идет навстречу друг другу, а не в одну сторону. Украинские историки (при том, далеко не все), кажется, согласны признать историю Украины как мультинациональную. Но это лишь шаг на пути к историзму. Нужно признать ее как мультикультурную. Пока же скорее видим примеры «культурной ампутации». Старая политика «отталкивания» от прошлого и «забвения культур» строится, в том числе, и на работах историков. Вместо того чтобы объяснять все культурные явления, о некоторых из них предпочитают вообще не говорить, или просто выбрасывают на «свалку истории». В результате,

история перестает выполнять одну из упомянутых важнейших своих функций – связь поколений. Ведь это «отталкивание» от прошлого строится на утверждениях о «тупиковости» предшествующего исторического пути, нивелирует усилия нескольких поколений людей, которые составляют современное общество (в данном случае, «общество разделенной культуры»).

На наш взгляд, пришла пора привнести в современную тернарную культуру новую составляющую ее развития, которая бы базировалась на истории как союзе опыта и цели (на такой основе базируется любая общественная солидарность, в том числе, очевидно, и планетарная солидарность). Уже отмечено, что диалог с прошлым может не просто отражать, но и преобразовывать реальность посредством «проработки» опыта прошлого, что «основным способом преодоления кризисов исторического сознания является нарратив, посредством которого прошлый опыт, зафиксированный в памяти в виде отдельных событий, оформляется в определенную целостность, в рамках которой эти события приобретают смысл» [15, с. 14–15]. Но, в данном случае, «опыт» нужно понимать не только шире обычного (частного) опыта, но даже такого, который аккумулирует деятельность больших сообществ. Как отметил Й. Рюзен, «нам нужна идея единства исторического опыта» [18, с. 24]. Эта идея, как нам представляется, не будет предназначенной «на все времена», но будет устремлена в будущее. Не абсолютизируя и не отбрасывая никакой опыт, она может стать способом соизмерения настоящего. Судя по современной историографической ситуации, возможно, такую решающую роль в переходе к новым правилам историописания сыграет осмысление Холокоста.

Конечно, в этом случае возникает вопрос об интеллектуальной свободе, а оппонентам легко сослаться на печальный опыт «Краткого курса» и тем самым отбросить саму идею. Как пишет М. Гловинский, «Эта священная книга, хотя и содержит в заглавии слово «история», отнюдь не повествует о том, что было; ее главная, даже единственная цель – сотворить

мир долженствования, смоделировать специфический объект веры, т. е. в конечном счете создать некий миф» [3, с. 145]. Но напомним, что данная «священная» книга возникла в условиях бинарной культуры и ее смысл был в укреплении такой культуры. Как уже отмечалось, современная культура имеет тенденцию к тернарности. Уже эта тенденция не позволяет говорить о возможном превращении «согласованных версий» в «квазирелигиозные утверждения». Вопрос об истинности в этих условиях – не вопрос о вере, «долженствовании», но об осознанных ориентирах и рефлексивной практике.

Именно в этом контексте я понимаю «политику справедливой памяти» Поля Рикёра. Единство разнообразных «историй» связано с их иерархией и взаимодействием с памятью. То есть «умиротворение» историографических образов в условиях тернарной культуры не снимает проблему их иерархизации, когда одни получают статус доминирующих, а другие – маргинальных. Выстроить при этом непротиворечивую систему, не используя механизмы подавления, очень сложно, даже невозможно, если придерживаться старого мышления¹. По словам П. Рикёра «... понятие справедливой памяти обретает смысл в результате сопоставления различных видов памяти, ... памяти свойственна сосредоточенность на себе самой, а истории присуще стремление к расширению сферы ориентиров и оценок... Историки не являются ни судьями, ни моралистами. Цель историка – понять и объяснить» [16, с. 9]. Из сказанного, как нам представляется, явствует, что задача историка и состоит в том, чтобы не выбирать между версиями прошлого, а

---

¹ Но возможно в принципе, как отметили И. М. Савельева и А. В. Полетаев: «Историки по-существу не единожды «натолкнулись» и на проблему существования в обществе не только конкурирующих социальных групп, но и конкурирующих символических универсумов, которые постоянно провоцируют социальные конфликты. Параллельно, изучая представления, проявляющиеся в разных видах коллективных действий, историки обнаружили залог стабильности общества в наличии некоей общей для всех социальных групп картины социальной реальности» [19, с. 117].

объяснять каждую из них, в итоге соотнося с неким осознанным целеполаганием.

Таким образом, по существу, по своей направленности, деятельность историка должна, во-первых, становиться историографической, а историографическая рефлексия охватывать и старые, и новые структуры и смыслы, отражающие современные и перспективные экономические, политические и социальные отношения. При этом историографичность возможна и даже необходима в том числе и на дидактическом уровне (израильско-палестинское учебное пособие состоит из 3-х колонок, где крайние две занимают версии соответственно израильских и палестинских историков, а средняя остается для учащихся и их мнений [см.: 12, с. 25–26]). Но, что важно в этом случае, реализуя дидактические цели, не стоит увлекаться универсальными подходами и конструкциями¹. Нужно учитывать уровни образования, возрастные и интеллектуальные возможности учащихся. Именно при таком дифференцированном подходе найдется место и для того, чтобы привить любовь к «своему», и уважение к «чужому», удастся осмыслить магистральные пути и не забыть о региональном/ национальном многообразии и уникальности личного опыта.

И, во-вторых, вместо того, чтобы вынести за скобки проблемы морали, в этом случае, наоборот, нужно сделать акцент на ней и, прежде всего, на профессиональной этике (когда в профессиональном сообществе четко определяется то, что являет собою «дурной тон»). Мораль становится стержнем, на который «нанализываются» сопряженные метафоры, формирующие образ настоящего и прошедшего. Последнее означает не только формирование профессионального кодекса

---

¹ И в этом плане идея создания «единого учебника по истории» видится бесперспективной. С помощью такого учебника не удастся осуществлять контроль за образованием и общественным мнением, как того хотят сторонники такой идеи. Более того, общественное обсуждение данной идеи приводит лишь к усилению негативных настроений по отношению к истории как таковой, со всеми вытекающими из этого последствиями.

историка, но и распространение его на людей, имеющих отношение к политике памяти (это касается как ученых, так и «разносчиков» [7, с. 52] исторических знаний – учителей, журналистов, деятелей литературы и искусства). Элементы такой профессиональной этики должны внедряться на всех уровнях исторического образования. Проблема социальной ответственности историка в этих условиях сама собою выйдет на первый план и станет смыслообразующей. В контексте данных размышлений следует упомянуть искания и построения И. Канта, Ф. Достоевского, М. Туган-Барановского, А. Горького и других писателей и философов, которые пытались с интересом смотреть в будущее, но это уже тема для другой статьи.

В заключение снова обратимся к словам Ф. Ницше, которые сегодня, на наш взгляд, звучат актуальнее, чем когда бы то ни было: «Конечно, нам нужна история, но мы нуждаемся в ней иначе, чем избалованный и праздный любитель в саду знания, с каким бы высокомерным пренебрежением последний ни смотрел на наши грубые и неизящные потребности и нужды. Это значит, что она нужна нам для жизни и деятельности, а не для удобного уклонения от жизни и деятельности или тем менее для оправдания себялюбивой жизни и трусливой и дурной деятельности. Лишь поскольку история служит жизни, постольку мы сами согласны ей служить; а между тем существует такой способ служения истории и такая оценка ее, которые ведут к захирению и вырождению жизни...» [9]. Впрочем, и эти слова можно понимать по-разному, но данные размышления, очевидно, теперь трудно назвать «несвоевременными».

1. *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Б. Андерсон. – М., 2001.
2. *Вжосек В.* Культура и историческая истина / В. Вжосек. – М., 2012.

3. *Гловинський М.* «Не пускати прошлого на самотек». «Краткий курс ВКП(б)» как мифическое сказание [Электронный ресурс] / М. Гловинський ; вступ. заметка и примеч. В. Щукина ; пер. с польск. К. Душенко // НЛО. – 1996. – № 22. – Режим доступа: http://www.situation.ru/app/j_art_776.htm.
4. *Ионов И. Н.* Глобальная история как форма конструирования и репрезентации прошлого / И. Н. Ионов // История и историки в пространстве национальной и мировой культуры XVIII–XXI веков. – Челябинск, 2011.
5. *Лютар Ж.-Ф.* Состояние постмодерна [Электронный ресурс] / Ж.-Ф. Лютар. – СПб., 1998. – Режим доступа : http://royallib.ru/book/liotar_gan-fransua/sostoyanie_postmoderna.html
6. *Лотман Ю. М.* Культура и взрыв / Ю. М. Лотман. – М., 1992.
7. *Могильницкий Б. Г.* Историческое познание и историческое сознание: к постановке вопроса / Б. Г. Могильницкий // Историческая наука и историческое сознание. – Томск, 2000.
8. *Николаи Ф. В.* Poleмика о границах *своего* и *чужого* в американской интеллектуальной истории / Ф. В. Николаи // Диалог со временем. – 2012. – № 39.
9. *Ницше Ф.* «О пользе и вреде истории для жизни» [Электронный ресурс] / Ф. Ницше. – Режим доступа: <http://nietzsche.ru/works/main-works/history/>
10. *Нора П.* Франция-память / П. Нора. – СПб., 1999.
11. *Патрушев А. И.* Расколдованный мир Макса Вебера / А. И. Патрушев. – М., 1992.
12. *Підручник з історії: проблеми толерантності* / Г. В. Касьянов, П. Б. Полянський, І. Б. Гирич та ін. – Чернівці, 2012.
13. *Про А.* Двенадцать уроков по истории / А. Про. – М., 2000.
14. *Репина Л. П.* Историко-историографическое исследование в контексте современной интеллектуальной культуры / Л. П. Репина // История и историки в пространстве национальной и мировой культуры XVIII – XXI веков. – Челябинск, 2011.
15. *Репина Л. П.* Память и знание о прошлом в структуре идентичности / Л. П. Репина // Диалог со временем. – 2007. – № 21.
16. *Рикер П.* Память, история, забвение / П. Рикер ; пер. с франц. – М., 2004.

17. Румянцева М. Ф. «Места памяти» в структуре национально-исторического мифа / М. Ф. Румянцева // Диалог со временем. – 2007. – № 21.
18. Рюзен Й. Утрачивая последовательность истории (некоторые аспекты исторической науки на перекрестке модернизма, постмодернизма и дискуссии о памяти) / Й. Рюзен // Диалог со временем. – 2001. – № 7.
19. Савельева И. М. Знание о прошлом: теория и история : в 2 т. Т.1. Конструирование прошлого / И. М. Савельева, А. В. Полетаев. – СПб., 2003.
20. Тишков В. А. Реквием по этносу / В. А. Тишков. – М., 2003.
21. Топольський Є. Як ми пишемо і розуміємо історію. Таємниці історичної на рації / Є. Топольський. – К., 2012.
22. Февр Л. Бои за историю / Л. Февр. – М., 1991.